

ELŻBIETA TYSZKOWSKA-KASPRZAK
Uniwersytet Wrocławski

«ВСЯ ВЛАСТЬ СОНЕТАМ».
ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА ИДЕОЛОГИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВАГРИЧА БАХЧАНЯНА

Официальная картина мира, которую советская власть стремилась сформировать в массовом сознании общества в 60-е и 70-е годы, представляла Советский Союз как государство с предначертанной исторической миссией. Перед советским народом, по словам Константина Соколова, «стояла эпохальная цель — построение коммунистического земного рая»¹, что должно было оправдать все неизбежные трудности и недостатки. Одновременно был указан враг в этой борьбе — капиталистические страны, олицетворявшие мировое зло. Подобная картина мира была для народа вполне убедительной, поскольку она опиралась на старинные архетипы борьбы добра со злом и возбуждала в гражданах гордость и чувство осуществления особенной миссии². Изъяны жизни в СССР считались своего рода жертвой, которую должен принести советский человек в борьбе с миром эксплуатации, тунеядства и жадности.

Для закрепления этой картины мира был использован особый язык, который вслед за Джорджем Оруэллом называют новоязом, или языком пропаганды, языком официоза, жаргоном власти, языком Совдепии. Новояз истребляет классический язык следующим образом: он «усваивает его элементы, придавая им другой смысл — часто неявно, скрыто, то есть создает вид, что слова новояза обозначают то, что обычно, а на самом деле их

---

¹ К.Б. Соколов, *Городской фольклор против официальной картины мира // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое*, ред. Н.М. Зоркая, Алетейя, Санкт-Петербург 2001, с. 228.

² Там же, с. 228–229.

смысл иной»³. В этом процессе функция языка сводится к громким фразам, формулам, в которых оценки и ритуал превалируют над значением. В результате в язык обильно входят слова и выражения, разрушающие здравый смысл, притупляющие логическое мышление и одновременно — способность к защите перед манипуляцией. Клише новояза, как правило, относятся к предмету абстрактному, условному или не существующему в действительности⁴. Борис Норман называет такие лексические единицы «идеологическими фантомами»⁵.

Французский психолог Серж Московичи заметил, что:

во многих отношениях удивительно и малопонятно это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а из их «магии», от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются. Обращаться с ними следует не как с частицами речи, а как с зародышами образов, как с зернами воспоминаний, почти как с живыми существами⁶.

В рассуждениях на тему тоталитарного языка Михал Гловинский подчеркивает, что в новоязе существенным аспектом является магический фактор — слова не столько описывают действительность, сколько создают ее. «Магия проявляется в том, что речь идет о состоянии желаемом, как будто оно было реальным»⁷.

Язык пропаганды, врывавшийся во все сферы употребления речи, вызывал у многих писателей протест⁸, приобретавший различные формы: открытой критики (Андрей Синявский), вульгаризации языка (Юз Алешковский), пародирования (Василий Аксенов, Александр Зиновьев, Владимир Войнович). Вагрич Бахчанян, как и другие концептуалисты, комически выразительно обнажает смысловую пустоту новояза и его непригодность в коммуникации.

³ М. Głowiński, *Nowotowa po polsku*, Wydawnictwo PEN, Warszawa 1991, с. 21.

⁴ Е.А. Земская, *Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества*, „Вопросы языкознания” 1996, № 3, с. 23.

⁵ Б. Ю.Норман, *Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культуры* // *Язык и культура. Доклады*, Collegium: «ВИПОЛ», Киев 1994, с. 53–60.

⁶ С. Московичи, *Век толп*, пер. с франц. Т.П. Емельяновой, Центр психологии и психотерапии, Москва 1996, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mosk/12.php (15.08.2014).

⁷ М. Głowiński: *Nowotowa po polsku ...*, с. 9.

⁸ Советский новояз писатели порицали уже в 20-е и 30-е годы XX века (напр., М. Зощенко, М. Булгаков, А. Платонов).

Вагрич Окопович Бахчанян родился в Харькове 23 мая 1938 года. Там же посещал студию прикладного искусства, где познакомился с известными авангардистами Василием Ермиловым и Алексеем Щегловым, оказавшими большое влияние на формирование его эстетических взглядов. После окончания учебы Бахчанян переехал в Москву, где вплоть до эмиграции в 1974 году работал в «Литературной газете». Занимался карикатурой и в этой области добился серьезных успехов: получил приз Всемирного конкурса карикатуристов. Вместе с Ильей Кабаковым, Виталием Комаром и Александром Меламидом, Риммой и Валерием Герловинами, художниками группы Лианозово, участвовал во многих неофициальных выставках. Эмигрировал в США в 1974 году и был связан с эмигрантской средой Нью-Йорка. Умер 12 ноября 2009 года.

По мнению Александра Гениса, трагедия Бахчаняна и всего его поколения заключалась в сознании, что

идеи, на которой стояла страна, больше не существует. К этому он [Довлатов] добавил кое-что еще: никакой другой идеи тоже нет, потому что идей нет вовсе. Осознание этого обстоятельства и отличает последнее советское поколение от предпоследнего. Одни противопоставляли верные идеи ложным, другие вообще не верили в существование идей⁹.

Шестидесятники не пытались искать глубокий смысл там, где его не было и поэтому их обвиняли в поверхностности, мелкости. Бахчаняна упрекали в отсутствии драматизма, поскольку его осмеянию подвергалось абсолютно все. Бахчанян не приобрел известности ни в стране, ни за границей. Его чувство юмора для американцев осталось непонятным, а в Советском Союзе официальные выставки были невозможны. Отношения Бахчаняна с российской диаспорой были непростые. В то время, как большинство эмигрантов считало себя жертвами режима, он не расценивал советскую власть как абсолютное зло¹⁰ и утверждал, что его искусство не антитоталитарно, оно просто использует образы массовой коммуникации. О Ленине сказал так: «Ленин — часть моего детства и воспитания. Я люблю вождей. Нахожусь в контакте с ними. Если бы не было революции, я бы, наверное, издевался над Николаем»¹¹.

⁹ А. Генис, *Довлатов и окрестности*, Вагриус, Москва 2000, с. 17.

¹⁰ Решение об эмиграции Бахчаняна было вызвано отсутствием жилья в Москве.

¹¹ А. Горькова, *Бахчанян, «художник слова»*, «Октябрь» 2010, № 5, с. 135.

В какой-то мере отношения Бахчаняна с эмигрантской средой объясняет Николай Боков:

Собственно, мы воспротивились надвигающейся обязательности взглядов. Все теми же способами. В журнале «Ковчег» я опубликовал часть фотоблома нью-йоркца Вагрича Бахчаняна «Сто однофамильцев Солженицына» — фотографии Глафиры, Изота и его брата Лаврентия Солженицыных. «Авдогья Солженицына»? Шутка показалась публике невыносимой, и понятно, почему. Великий писатель становился идолом, идол же уникален. Еще до того я опубликовал (совместно с А. Кроном) первый роман Лимонова «Это я — Эдичка», полагая, что экстремальность произведения разрушает скучные и душные условности эмигрантской литературы. Что тут было! Тщетно я пытался объяснить в статье «Нарцисс на асфальте Нью-Йорка». Два эти номера мне стоили увольнения из «Русской мысли» и изгнания с «мельницы Монжерона» (это старинный замок в пригороде Парижа, принадлежащий русской ассоциации)...¹²

Любителями и пропагандистами работ Бахчаняна в Америке оказались, среди других, Александр Генис и Сергей Довлатов.

В свет вышло несколько книг писателя — с литературными произведениями, текстами, а также с рисунками и коллажами¹³. Каждая его книга представляет собой отдельный концептуальный проект «он задумывает сперва целостный объект — книгу, выставку, акцию — а потом продумывает детали»¹⁴.

Бахчанян отторгает стереотипы, небольшим сдвигом меняет смысл штампа, догмы, идеологического или культурного фетиша. В своих произведениях он особенно ярко обнаруживает бессмыслицу идеологических мифов, созданных с помощью тоталитарного языка. Как подчеркивал Эрнст Кассирер, политические мифы, в отличие от общественных, не возникают стихийно, а являются искусственными созданиями ловких по-

¹² Н. Боков, «Мы все богачи: сокровищем пережитого». Интервью дано Николаем Боковым Валерию Сандлеру, 6 мая 2006, <http://nkbokov.livejournal.com/6841.html> (12.07.2014).

¹³ *Автобиография сорокалетнего автора* (1981); *Visual diary: 1/1/80 — 12/31/80* (1981); *Демарш энтузиастов* (в соавторстве с Сергеем Довлатовым и Наумом Сагаловским) (1985); *Синьяк под глазом: пуантель-авивская поэма* (1986); *Ни дня без строчки (годовой отчет)* (1986); *Стихи разных лет* (1986); *Мух уйма: художества* (2003); *Вишневы ад и другие пьесы* (2005); *Сочинения Вагрича Бахчаняна* (2010); *Записные книжки Вагрича Бахчаняна* (2011).

¹⁴ Бах, *Бахчанян как миф*, ч. 7, «Хай Вей» 3 января 2010, <http://highwai.mobi/story/247489/#ixzz3Q39I51vC> (13.07.2014).

литиков»¹⁵. Они строятся на основании языка, главными функциями которого являются функции оценочная и экспрессивная. Кассирер заметил тоже, что влияние нацистской идеологии на язык было настолько сильным, что произошла замена функций языка — его магическая функция начала преобладать над информационной¹⁶.

Бахчанян разрушает эти мифы, используя разные стратегии. Чаще всего в его текстах и графике появляется Ленин как миф персональный и как символ идеи коммунизма. Среди основных особенностей новояза важнейшей является навязывание ценности не вызывающего никаких сомнений знака. Значения могут быть неясными и неточными, оценки же должны быть четкими и однозначными¹⁷. В рамках новояза нет места элементам, недоопределённым в плане ценности, новояз стремится к символизации — каждый из его элементов должен обладать символической ценностью, символизировать данные ценности¹⁸. Бахчанян, нарушая семантическое поле слов, подвергает сомнению ту однозначную оценку и ценность, которую навязывает тоталитарный язык.

Стихотворение *Советское пространство* состоит из шести простых нераспространенных предложений — подлежащего и сказуемого. В этой скупой примитивистской форме Бахчанян выразил порядок сил в Советском Союзе:

«Спутник» летит.
Время бежит.
Суд идет.
Стража стоит.
Буковский сидит.
Ленин лежит¹⁹.

Стоит обратить внимание на глаголы, употребленные в тексте, и их расположение: они обозначают движение с градацией от самого быстрого до медленного и состояние неподвижности

¹⁵ Z. Kuderowicz, *Ernst Cassirer jako filozof kultury* // Z. Kuderowicz (ред.), *Filozofia współczesna*, т. 2, Wiedza Powszechna, Warszawa 1983, с. 235.

¹⁶ E. Cassirer, *Language and Myth*, пер. S.K. Langer, Harper & Bros., New York and London 1946, <http://www.ditext.com/sellars/rc.html> (2.07.2014).

¹⁷ M. Głowiński, *Nowotowa po polsku ...*, с. 8.

¹⁸ Там же, с. 13.

¹⁹ В. Бахчанян, *Советское пространство* // его же, *Мух уйма (Художества)*, *Не хлебом единым (Меню-коллаж)*, У-Фактория, Екатеринбург 2006, с. 27.

— от вертикального до горизонтального. Этот прием придает тексту комический оттенок.

В произведении *Ленин* автор записал пятьдесят восемь комбинаций букв, составляющих слово Ленин. Этот прием порождает комический эффект и понижает оценку как самого исторического лица, так и идеи, которая с ней ассоциируется.

ЛЕНИН
 пятидесятивосьмистишье
 ленни
 лниен
 нелин
 иннел
 ннеил
 лнние
 еинлн
 ненил
 еиннл
 ниенл
 елнни [...]²⁰

К разрушению политического мифа Ленина, а также Сталина относятся и визуальные работы Бахчаняна, например, портреты, созданные в 1982 году, каждый из которых состоит из 36 книжечек размером шесть на семь с половиной сантиметра, со страницами, вырезанными из газет: их цветные обложки складываются в образы вождей как с иконографическим, так и с ироническим смыслом. Самым известным оказался портрет Ленина с надвинутой на глаза кепкой. Известный публицист Виктор Шендерович так описывал эту работу:

Это поразительная вещь: традиционная для советских времен фотография Ленина, плакат — Ленин в кепке. [...] С газетой «Правда» в кармане. Ничего традиционнее нет. Бахчанян чуть-чуть сдвинул кепку на лоб, больше ничего. Он не изменил лицо, он не сделал никакого оскала, он сдвинул кепку на лоб — и Ленин стал уркой мгновенно. Это поразило меня, как мало надо в искусстве для того, чтобы полностью поменять смысл²¹.

Комизма, обесценивающего коммунистические идеологемы, художник также достигает посредством неожиданного соедине-

²⁰ В. Бахчанян, *Ленин* // его же, *Мух уйма...*, с. 33.

²¹ В. Шендерович, *Художник Вагрич Бахчанян*, <http://www.svoboda.org/content/transcript/436878.html>, (30.08.2014).

ния образов из разных сфер коммуникации, например, Ленин или Сталин с девочкой на руках на обложке *Лолиты* Владимира Набокова, памятник Ленину с обнаженной знойной женщиной у ног вождя или коллажи изображений Ленина и картин Пабло Пикассо «голубого» и «розового» периодов. Использование значка с изображением Ленина вместо лица распятого Христа на религиозной картине придает коллажу новые коннотации: замены христианской религии культом Ленина, вероисповедание коммунизма как высшей идеи, поклонения Ленину — как Мессии (с иронической подоплекой).

Комический эффект художник достигает также путем совмещения двух идеологических образов, как на известном портрете Сталина с лицом Ленина. Такой прием порождает новые смыслы — как культ Ленина заменен культом Сталина, как близки, сходны жестокие методы управления народом.

Прием снижающего эффекта коммунистической идеологии применен также в случае использования эмблем в качестве предметов потребления или украшений: таков коллаж, на котором значок с орденом Ленина заменяет сережку. Этот значок использован Бахчаняном и в другой работе, где незначительное перемещение, мелкое передвижение существенно изменило смысл. Лицо Ленина повернуто на 90° и оказывается в горизонтальном положении, ассоциирующемся с эстетикой смерти²². Таким образом, лозунг «Ленин жив» изменяется на — «Ленин мертв», что можно толковать как крах идеи коммунизма.

Помимо политических мифов, Бахчанян использует в своих соц-артовых работах и другие символы и идеи. В произведении *Сон* прием мультипликации названия Советская Социалистическая Республика с добавлением наименований разных стран позволил довести идею о всемирной пролетарской революции до абсурда. Текст можно воспринимать и как изображение имперских устремлений Советского Союза.

Сон

Посвящается моему первому самиздателью Александру Морозову

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

Украинская Советская Социалистическая Республика

Белорусская Советская Социалистическая Республика

²² К.Л. Харт Ниббриг, *Эстетика смерти*, пер. с нем. А. Белобратова, Издательство Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 2005, с. 38–42.

Казахская Советская Социалистическая Республика
 Грузинская Советская Социалистическая Республика
 Узбекская Советская Социалистическая Республика
 Латвийская Советская Социалистическая Республика
 Киргизская Советская Социалистическая Республика [...]
 Великобританская Советская Социалистическая Республика
 Ирландская Советская Социалистическая Республика
 Исландская Советская Социалистическая Республика
 Нидерландская Советская Социалистическая Республика
 Бельгийская Советская Социалистическая Республика
 Французская Советская Социалистическая Республика
 Австрийская Советская Социалистическая Республика
 Швейцарская Советская Социалистическая Республика [...]
 Мавританская Советская Социалистическая Республика
 Советская Социалистическая Республика Мали
 Алжирская Советская Социалистическая Республика
 Марокканская Советская Социалистическая Республика
 Тунисская Советская Социалистическая Республика
 Ливийская Советская Социалистическая Республика
 Советская Социалистическая Республика Чад
 и другие²³.

Композиционный прием текста *Доклад Брежнева* близок процитированному выше тексту *Ленин*. За исключением конвенционального начала и окончания весь доклад представляет собой повтор лишь одного предложения «Скоро у нас будет очень много пепси-колы» с измененным в каждом стихе порядком слов, в котором нарушены правила синтаксиса русского языка, что и обесмысливает доклад²⁴.

Дорогие товарищи! **(аплодисменты)**

Скоро у нас будет очень много пепси-колы, **(аплодисменты)**

У нас скоро будет много очень пепси-колы, **(аплодисменты)**

Очень много пепси-колы скоро у нас будет, **(аплодисменты)**

Пепси-колы очень много у нас будет скоро, **(аплодисменты)**

Скоро будет пепси-колы у нас очень много, **(аплодисменты)**

У нас пепси-колы будет много скоро очень, **(аплодисменты)**

Много у нас пепси-колы будет очень скоро, **(аплодисменты)**

У пепси-колы скоро очень много будет нас. **(аплодисменты)**

Скоро у будет нас очень много пепси-колы, **(аплодисменты)**

У много нас скоро пепси-колы будет очень, **(аплодисменты)**

Очень нас скоро много пепси-колы будет у! **(аплодисменты)**

²³ В. Бахчанян, *Сон // его же, Мух уйма...*, с. 35–40.

²⁴ Это стихотворение было довольно известно и его парафразировали другие писатели. R. i W. Gierłównowie, *Rosyjska sztuka samizdatu*, пер. А. Cieszkowska, Centrum Sztuki Współczesnej, Warszawa 1990, с. 45.

«ВСЯ ВЛАСТЬ СОНЕТАМ»...

Спасибо за внимание (**бурные, долго не смолкающие аплодисменты, раздаются возгласы «ура», «слава КПСС», «да здравствует пепси-кола»**)²⁵.

Текст, несомненно, напоминает неразборчивые речи генсека, но также разоблачает и смысловую пустоту ритуальных выступлений вождей перед народом. Если учесть предмет обещаний — пепси-колу, символизирующую мир Запада, высказывание можно толковать как обыгрывание лозунга «Догоним и перегоним Америку», известного по речи Хрущева на совещании работников сельского хозяйства²⁶.

В цикле *Некрологи* Бахчанян использовал приспособленную для новояза формулу уведомлений о смерти, причем эту форму наполнил другим идеологизированным содержанием²⁷:

НЕКРОЛОГ № 1

21 января 1924 года умер В.И. Ленин, а дело его живет.

НЕКРОЛОГ № 4

Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Академия Наук СССР с прискорбием сообщают о том, что академик САХАРОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ чувствует себя нормально и продолжает заниматься своей деятельностью²⁸.

Самые известные тексты Бахчаняна — лозунги, сочиненные на основании популярных слоганов посредством замены части предложения, слова или только буквы. Автор так определил свой творческий метод: «Чем я занимаюсь? Подменой занимаюсь. Меняю мысли, понятия, иногда букву одну» (Бахчанян). Эти языковые шутки, являющиеся интеллектуальной языковой игрой, чаще всего служат дискредитации первичных вариантов лозунгов:

Вся власть — сонетам!
Дурная слава КПСС!
Бейлис умер, но дело его живет!
Бумажник — оружие пролетариата!
Язык мой — враг мой руки перед едой!

²⁵ В. Бахчанян, *Доклад Брежнева // его же, Мух уйма...*, с. 56.

²⁶ До Хрущева выражение «догнать и перегнать» употреблялось Лениным и Сталиным.

²⁷ Свой цикл *Некрологи*, обыгрывающий официальные уведомления о смерти, также написал другой известный концептуалист — Дмитрий Пригов.

²⁸ В. Бахчанян, *Некрологи // его же, Мух уйма...*, с. 53–54.

Монархия — мать порядка!
Мы рождены: чтоб Кафку сделать былью!
Арипелаг Good Luck²⁹

Новояз и эмблемы коммунизма стали для Бахчаняна темой и материей его текстов и художественных работ, предметом сатирического, пародийного и гротескного изложения. Его соц-артовские произведения отличаются простотой формы и удивительными ассоциациями, порождают новые интеллектуальные смыслы и одновременно заставляют улыбнуться.

Автор книги *Наш советский новояз* Бенедикт Сарнов вспоминал:

Читая книгу Клемперера, я постоянно отмечал, что едва ли не каждое приведенное им слово или языковое клише из языка Третьего Рейха вызывает у меня в памяти совершенно точный его советский аналог. Но припоминая эти наши родные, советские клишированные словосочетания, я всякий раз ловил себя на том, что они неизменно вызывают у меня самые разнообразные комические ассоциации³⁰.

Это дистанцирование от тоталитарного языка с помощью юмора стало антидотом на яд, содержащийся в словах власти.

Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak

«CAŁA WŁADZA DLA SONETÓW».
DEKONSTRUKCJA JĘZYKA IDEOLOGII W TWÓRCZOŚCI WAGRICZA
BACHCZANIANA

Streszczenie

Wagricz Bachczanian, tworzący w nurcie konceptualizmu, w wielu utworach i pracach plastycznych wykpiwa oficjalną ideologię socjalistyczną, wykorzystując formuły nowomowy i obrazy propagandy. W tych soc-artowskich pracach burzy mity polityczne, np. mit Lenina, oraz slogany nowomowy i symbole socjalistycznej agitacji. W wierszach, zaburzając pole znaczeniowe słów, podaje w wątpliwość jednoznaczną ocenę i wartość, którą narzuca język totalitarny. W rysunkach i kolażach zestawia obrazy z różnych sfer komunikacji. Komiczny efekt tych zabiegów prowadzi do degradacji propagandowych haseł, mitów i idei.

²⁹ В. Бахчанян, *Лозунги // его же, Мух уйма...*, с. 58–60.

³⁰ Б. Сарнов, *Наш советский новояз*, Издательство «Материк», Москва 2002, с. 13.

«ВСЯ ВЛАСТЬ СОХЕТАМ»...

Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak

«ALL POWER FOR SONETS»
DECONSTRUCTION OF THE LANGUAGE OF IDEOLOGY
IN THE WORKS BY VAGRICH BAKHCHANYAN

Summary

Vagrigh Bakhchanyan, creating in the stream of conceptualism, in his literature and painting ridicules official socialist ideology, using the formula of newspeak and propaganda images. In these sorts art works he destroys various political myths, eg. the myth of Lenin, and so called newspeak slogans and symbols using by socialist agitation. In his poetry Bakhchanyan shatters the semantic field of words, he doubts that totalitarian language has its clear and inambiguous meaning. In his images and collages he composes together different spheres of communication. The comic effect of these treatments leads to the degradation of the propaganda slogans, myths and ideas.